

СОДЕРЖАНИЕ

Стон горы	3
Крылья цикады	22
Пламя облаков	43
Каштан	58
Сон об острове	83
Вишня зимой	106
Утренняя вода	124
Ночной голос	143
Весенние колокола	162
Дом птиц	186
Городской парк	205
След от раны	228
В дождь	247
Рой москитов	262
Змеиное яйцо	277
Рыба осенью	296

СТОН ГОРЫ

1

Синго Огата чуть нахмурился, чуть приоткрыл рот, — похоже, он о чем-то задумался. Со стороны, может быть, и не видно, что он задумался. Кажется — он грустит.

Его сын, Сюити, сразу заметил это, но такое случалось часто, и он не встревожился.

Сюити понимал состояние отца — он не просто задумался. Он пытается что-то вспомнить.

Отец снял шляпу и опустил на колени, не выпуская ее из рук. Сюити молча взял у него шляпу и положил в багажную сетку.

— Э-эта, как ее... — В такие минуты Синго с трудом подыскивал слова. — Прислуга, которая недавно уехала в деревню, как ее звали?

— Каё, по-моему.

— Да, да, Каё. Когда она уехала?

— В четверг на прошлой неделе, значит, пять дней назад.

— Пять дней назад? Прислуга взяла расчет всего пять дней назад, а я уже не помню ни ее лица, ни как она была одета. Это ужасно.

Отец преувеличивает, подумал Сюити.

— Это случилось дня за два, за три до отъезда этой самой Каё. Я собрался на прогулку, стал надевать гэта и говорю: «Что это у меня на ноге, уж не экзема ли?» А Каё отвечает: «Ну что вы, просто натерли любимый мозоль». Честно говоря, меня это даже тронуло. Я, видимо, действительно натер мозоль на прогулке. Так вот, я подумал, что «любимый» ко мне относится. И растрогался. А теперь понимаю, что она говорила о «любимой мозоли». Так что умиляться было не от чего. Просто неграмотно выразилась. Это и сбilo меня с толку. Я только сейчас сообразил, — сказал Синго. — Понимаешь мою ошибку?

— Понимаю.

— Ну да. Она просто неграмотно выразилась, и это сбilo меня с толку.

Отец был из провинции и чувствовал себя в грамматике не слишком уверенно. А Сюити учился в Токио.

— Теперь я понял свою ошибку, а вот имени прислуги никак вспомнить не могу. Не помню ни лица ее, ни как она была одета. Каё прожила у нас, пожалуй, с полгода?

— Да.

Сюити давно привык к забывчивости отца и не выразил ему ни малейшего сочувствия.

А сам Синго, хоть уже и пора было привыкнуть, все же встревожился немного. Сколько он ни старался вспомнить Каё, ясно представить себе служанку не удавалось. Он пытался расшевелить свою память сентиментальными подробностями.

Вот и сейчас он вспоминает, как Каё, низко кланяясь, провожала его в прихожей. Вспоминает,

как она сказала: «Ну что вы, просто натерли любимый мозоль».

Видя, как трудно восстановить в памяти единственный случай, когда прислуга, прожившая в доме полгода, провожала его в прихожей, Синго чувствует, что жизнь уходит.

2

Ясуко, жена Синго, старше его на год, ей шестьдесят три.

У них сын и дочь. Старшая — дочь, Фусако, у нее две девочки.

Ясуко выглядит молодо. Она не кажется старше мужа. И не потому, что Синго такой уж дряхлый, — просто считается, что жена обычно моложе мужа, и если она не выглядит старше его, то в этом нет ничего неестественного. К тому же она небольшого роста, плотная, крепко сбитая.

Ясуко никогда не была красавицей, а в молодости выглядела старше мужа и потому не любила выходить с ним на люди.

Синго, сколько ни думал, так и не вспомнил, с какого возраста исчезло ощущение, что жена старше его. По его расчетам, после пятидесяти. Женщина, как правило, стареет раньше, а тут все наоборот.

В шестьдесят лет у Синго случилось кровотечение. Скорее всего, легочное, но он не стал ни серьезно обследоваться, ни лечиться. Правда, больше оно не повторялось.

Болезнь не состарила Синго. Наоборот, кожа разгладилась. И за те полмесяца, что он лежал

в постели, губы у него стали яркими, как в молодости.

Синго раньше не жаловался на легкие. И когда в шестьдесят лет у него вдруг пошла горлом кровь, он помрачнел, приуныл, но лечиться отказался. Сюити считал это старческим упрямством, хотя дело было совсем в другом.

Ясуко спит хорошо, наверно, потому, что здорова. Иногда Синго кажется, что по ночам он просыпается только от храпа Ясуко. Она начала храпеть лет с пятнадцати, и родители без конца таскали ее по врачам, но после замужества это у нее прошло. И она снова стала храпеть лет десять назад.

Обычно Синго сжимает пальцами нос Ясуко и теребит. Если не помогает, он хватает ее за шею и трясет. Это когда он в хорошем расположении духа, а когда в дурном — еще и остро чувствует старческую немощь этого тела, многие годы лежащего рядом с ним.

В эту ночь Синго был в плохом настроении — он зажег свет и искоса взглянул на Ясуко. Потом схватил ее за шею и стал трясти. Шея в испарине.

Чтобы жена перестала храпеть, может быть, достаточно просто протянуть руку и дотронуться до нее, подумал Синго, неожиданно почувствовав к ней острую жалость.

Он взял лежавший у изголовья журнал, но было невыносимо душно и жарко; тогда он встал, вышел на веранду, широко раскрыв ставни и присел на корточки.

Была лунная ночь.

За ставнями висело платье Кикуко. Какого-то неопределенно-белого цвета. Наверно, выстирала его и забыла снять, подумал Синго, а может быть, нарочно оставила платье на улице, чтобы его вымыла ночная роса.

«Гья, гья, гья, гья», — послышался из сада стрекот. Это цикада, которая сидит на вишне, что растет слева, почти касаясь карниза. Неужели у цикады такой противный голос, усомнился Синго. И все-таки это цикада.

Интересно, цикады тоже боятся страшных снов?

Цикада подлетела и опустила на сетку от москитов.

Синго схватил ее, но она не стрекотала.

— Немая, — пробормотал Синго. — Это другая цикада, не та, что верещала «гья».

Чтобы ее снова не приманил свет, Синго с силой подбросил цикаду к самой макушке вишни. Цикада так и не застрекотала.

Взявшись за створки ставней, он перегнулся через перила веранды и стал осматривать вишню, но так и не определил, села на нее цикада или нет. Лунная ночь кажется глубокой. И эта глубина ощущается как бесконечность.

Еще далеко до десятого августа, а цикады уже стрекочут.

Кажется, будто с листа на лист падают капли ночной росы.

Потом Синго услышал стон горы.

Ветра нет. Вот-вот наступит полнолуние, все залито светом, и в сыром ночном воздухе чуть колышется тусклый контур деревьев, очерчивающий невысокую гору. Нет, колышется не от ветра.

Неподвижны и листья папоротника внизу под верандой, на которой стоит Синго.

В иные ночи слышен шум волн на болотистом побережье Камакуры, и поэтому Синго подумал, не стон ли это моря, но нет, это был стон горы.

Он был похож на далекий стон ветра, и в нем чувствовалась глубоко скрытая мощь, как в подземном гуле. Казалось, стонет у тебя в голове, и Синго, проверяя, не шумит ли у него в ушах, помотал головой.

Стон прекратился.

Стон прекратился, но Синго охватил страх. Он похолодел — а вдруг это весть, что настал его смертный час?

Стон ветра? Стон моря? Звон в ушах? Синго нужно было все обдумать спокойно. Может быть, он слышал один из этих звуков, подумал он. Нет, то был в самом деле стон горы.

Точно пронесся дьявол и заставил гору застонать.

Оттого что ночной воздух был полон влаги, гора, и так-то крутая, казалась мрачной, неприступной стеной. Гора подступала почти вплотную к дому Синго и, хоть напоминала отвесную стену, походила скорее на половину огромного яйца.

Рядом с горой и за ней высятся другие горы, но застонала, скорее всего, именно эта гора, у дома Синго.

Из-за верхушек деревьев там и тут проглядывают звезды.

Задвигая ставни, Синго вспомнил один странный случай.

Дней десять назад он ждал приятеля в новом чайном домике. Того все не было, и гейша пришла пока только одна — две другие опаздывали.

— Снимите галстук. Жара невыносимая, — сказала гейша.

— Угу.

Синго позволил гейше снять с себя галстук.

Они не были близко знакомы, но, положив галстук в карман его пиджака, лежавшего у ниши, где висела картина, гейша начала рассказывать о себе.

Месяца два назад гейша и подрядчик, строивший этот чайный домик, полюбили друг друга и решили вместе покончить с собой. Но когда пришло время выпить цианистый калий, гейша засомневалась — хватит ли того количества, которое у них было, чтобы умереть без мучений.

— «Доза смертельная, это точно, — говорил мне тот человек. — Посмотри, каждая доза в отдельном пакетике, верно? Значит, насыпано сколько надо». Но я все равно не верила. Мои подозрения только усиливались. «Кто дал тебе порошки? Может быть, специально насыпали так мало, чтобы проучить нас обоих и заставить помучиться? Я тебя спрашиваю, какой врач или аптекарь дал тебе это, а ты твердишь одно — не могу сказать. Странно. Решили вместе умереть, а ты даже такого пустяка рассказать не можешь. Ведь потом я так и не узнаю».

«Просто фарс какой-то», — чуть не вырвалось у Синго, но он промолчал.

Гейша настояла на том, чтобы отложить самоубийство и совершить его только после того, как

она попросит кого-нибудь взвесить цианистый калий.

— Вот тут он весь, я его с собой ношу.

Подозрительная история, подумал Синго. В памяти осталось, что речь шла именно о подрядчике, строившем этот чайный домик.

Гейша достала из сумочки пакетик и, развернув, показала содержимое.

— Хм, — пробормотал Синго, скользнув взглядом по пакету. Он не мог определить, действительно ли это цианистый калий.

Задвигая ставни, он вспомнил ту гейшу.

Синго снова лег в постель, но не решился разбудить шестидесятитрехлетнюю жену, чтобы рассказать ей о страхе, который нагнал на него стон горы.

3

Сюити служил в той же фирме, что и Синго, и, кроме того, выполнял обязанности «напоминателя» при отце.

Обязанности «напоминателя» взяли на себя также Ясуко, что было вполне естественно, и Кикую — молодая жена Сюити. Так что три члена семьи восполняли угасавшую память Синго.

В фирме эта обязанность лежала на секретарше.

Сюити зашел в кабинет отца, вынул книгу из небольшого книжного шкафа в углу и начал перелистывать ее.

— Ой-ой-ой, — воскликнул он, подходя к столу секретарши и показывая ей открытую страницу.

— Что такое? — спросил, чуть улыбнувшись, Синго.

Сюити подал ему раскрытую книгу. Там было написано:

«Здесь не утрачена идея целомудрия. Видеть друг в друге не просто любовников — вот средство, которое позволяет мужчине не страдать от любви к женщине, а женщине — от любви к мужчине, позволяет им наслаждаться и дольше любить друг друга. Таков, в общем, способ сохранить внутреннюю гармонию...»

— Где это «здесь»? — спросил Синго.

— В Париже. Писатель путешествовал по Европе.

Мозг Синго стал слишком неповоротлив, чтобы воспринимать остроты и парадоксы, но то, что он прочел, показалось ему не остротой, не парадоксом, а прекрасным прозрением.

Вряд ли эти слова произвели такое уж сильное впечатление на Сюити. Ему просто нужен был повод, чтобы договориться с секретаршей вместе пойти домой. Синго сразу это понял.

Сойдя с электрички в Камакуре, Синго подумал, что хорошо бы ему условиться с Сюити одновременно возвращаться домой или приходить позже Сюити.

Автобусы были переполнены, и Синго решил пройти пешком.

У рыбной лавки он остановился и заглянул внутрь; хозяин поздоровался с ним, и он вошел. Вода в бочонке с креветками была мутно-белая. Синго потрогал кончиком пальца лангустов. Вид-

но, еще живые, хотя и не двигаются. Лежала гора моллюсков, и Синго решил купить их.

— Вам сколько? — спросил хозяин. Синго немного растерялся.

— И правда, сколько? Три. Покрупнее.

— Минутку, сейчас приготовим.

Синго были неприятны натужные звуки, с какими хозяин и его сын вскрывали неподатливые раковины концом кухонного ножа.

Когда мясо моллюсков было вымыто и хозяин проворно нарезал его, в лавку вошли две девушки.

— Что вам? — спросил он, продолжая нарезать моллюсков.

— Нам ставриды.

— Сколько?

— Одну.

— Всего одну?

— Да.

— Всего одну?

Ставрида была мелкая. Но девушки не обратили внимания на издевательский тон хозяина.

Хозяин завернул ставриду в обрывок бумаги и протянул им.

Девушка, стоявшая сзади, видимо, посмелее, тронула подругу за локоть.

— Может, возьмем еще и закуски, а?

Та, что была впереди и держала ставриду, все время разглядывала лангустов.

— Эти лангусты, верно, и в субботу еще будут? Мой их очень любит.

Вторая ничего не ответила.

Синго украдкой взглянул на девушку.